

АЛЕКСЕЙ ЗИМНЕГОРСКИЙ и АЛЬБЕРТ БЕЛОСВЕТОВ

НАСПАС
НАСТОЯЩИЙ ПАССАЖИРСКИЙ
ДОРОЖНЫЕ БАЙКИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Зимнегорский

**НАСПАС. Настоящий
пассажирский. Дорожные байки**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Зимнегорский А.

НАСПАС. Настоящий пассажирский. Дорожные байки /
А. Зимнегорский — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Поезд «Наспас». НАСстоящий ПАСсажирский. В нем места на любой вкус и кошелек – от сидячих до люксов с душем. Рекламщики придумали слоган: "Наспас" - нас спас!", а острословы приговаривали: "Нас пас, пасет и будет пасти!". Нигде человек не может так свободно говорить о себе, сочетая правду и вымысел. В конце пути собеседники разойдутся, чтобы никогда больше не встретиться - отчего бы и не выговориться. Даже на исповеди непозволительна такая свобода: нужно говорить правду и только о себе. Так что путешествие в поезде - коллективный российский психоанализ. Содержит нецензурную брань.

© Зимнегорский А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Предисловие	6
1. На поздних поездах	7
2. Ёршик	10
3. Где мальчик?	12
4. По душам	14
5. Сахар	16
6. Maryland – Марий Эл	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Фото автора Voroand " Empty compartment in the train with a view from the window"
с сайта <https://www.shutterstock.com>

Предисловие

В этой книге нельзя найти ни одного сюжета, который бы уже встречался в интернете или в других книгах. Но, тем не менее, это не фантазии и не вымысел, это реальные истории о реальных людях в реальной стране. наших людей в нашей стране. Иногда о наших людях не в нашей стране, изредка наоборот. Может быть, чуточку приукрашенные и домысленные, но реальные, по меньшей мере, реалистичные.

«Но почему мы об этом не читали, не слышали? Может этого и не было вовсе?» – воскликнете вы. И будете отчасти правы. Ведь согласно вопросу-принципу, сформулированному Перси Танненбаумом из Калифорнийского университета в Беркли, «если в лесу упало дерево, а телевидение этого не показало, то упало ли оно на самом деле?»

Вопрос, конечно, философский. Но вместо того, чтобы долго и трудно его решать, мы просто решили восполнить пробел – написать немного о том, как живут люди Средней России на примере отдельно взятых попутчиков отдельно взятого поезда. Средняя Россия – не по широте и долготе, а по основательной срединности бытия. Наши герои – не крикливые болотные оппозиционеры, не важные депутаты заксобраний различных уровней, не домочадцы олигархов, не полубогемная тусовка завсегдаев комеди-клубов, но в то же время и не жители сельских поселений депрессивных регионов, не представители исчезающих малых народностей Крайнего Севера, не маргинальные элементы без определённого места жительства.

Это жители крупных, но не столичных российских городов. Без пафоса и горячки они просто делают свое дело, а иногда и чужое, но делают его с искоркой, привнося в него изюминку, с выдумкой и юмором подходя к любой ситуации и превращая ее в нестандартную. Они не ищут легких путей, но с честью двигаются по нелегким. В итоге, они все-таки приходят, куда следует, и на них держится страна. По крайней мере, и на них тоже.

1. На поздних поездах

**Дорожные споры – последнее дело,
Когда уже нечего пить...
Но поезд идет, за окошком стемнело,
И тянет поговорить.**

Андрей Макаревич
Поезд

«Наспас» отходил от перрона Центрального вокзала в Верхнем Старгороде поздним вечером. Кстати, прошу не путать с родным городом Кисы Воробьянинова – тот просто Старгород, а этот – Верхний. Так вот, это был фирменный поезд, которым гордилась вся Верхнегородчина.

«Настоящий пассажирский» – расшифровывалось его название. В нем можно было найти места на любой вкус и кошелек: от сидячих кресел общих вагонов до одноместных люксов с индивидуальным душем. Не случайно железнодорожные рекламщики даже нехитрый слоган придумали: «Наспас» – нас спас!». Хотя местные остроловы любили приговаривать: «Нас пас, пасет и будет пасти!»

Пассажиры – их было чуть более пятисот, едва забравшись в вагоны, начинали жить поездной жизнью: одни доставали тапочки и треники, другие – планшеты и нетбуки. Ехать предстояло почти одиннадцать часов – надо же с толком скоротать время.

Вот и я начал осваивать свое купе. Ничего особенного, четыре места, диванчики с голубой обивкой, столик, зеркало в двери. Тут вскоре и попутчики подтянулись – молодая семейная пара с девочкой лет восьми. Поскольку они были заняты собой, к общению никто из нас особо не стремился. Просто сидели и ждали, пока проводница билеты проверит. Кстати, чего там проверять с электронной регистрацией? Казалось бы, это уже анахронизм – собирать бумажные листочки, которые не у всех на руках имеются. Однако проводники с упорством, достойным лучшего применения, продолжают это делать. Видимо, это способ такой обозначить свое присутствие, а заодно и пассажиров изучить.

Так или иначе, начало пути для меня всегда немного тягостный процесс. Вроде бы уже не дома, но еще не погрузился в дорогу с головой. Этакое безвременье и безместье. В таких случаях лучшее средство от меланхолии – размышление. А о чем еще размышлять в поезде, как не о железной дороге?

На мой взгляд, у народа нашей страны уже сформировалась генетическая предрасположенность к поездам. Страна огромная, и сама растянулась с запада на восток, как поезд. А федеральные округа соединены в цепочку наподобие вагонов. На чем еще передвигаться? С тех пор, как в 1837 году построили первую российскую железную дорогу из Петербурга в Царское село, кстати, шестую в мире, популярность этого вида транспорта только продолжала нарастать.

Это видно хотя бы по русской литературе – вся она пронизана железнодорожным духом. Да, Александр Сергеевич, «наше все», по печальному стечению обстоятельств умер в том же 1837 году, за девять месяцев до открытия дороги, и не успел нам поведать свое мнение о ней. Зато его последователи и продолжатели с лихвой восполнили этот пробел. Из дореволюционных поэтов только ленивый обошел данную тему, а многие сочинили стихотворения с характерными названиями, например, «Железная дорога» Николая Некрасова или «На железной дороге» Александра Блока. То же и с прозаиками: у Льва Толстого в «Анне Карениной» поезд стал едва ли не самым общеизвестным персонажем романа.

В советские годы железнодорожная тема в литературе активно развивалась от соцреалистической пьесы «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова до сюрреалистической поэмы в прозе «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева. Не отставали и поэты: чего стоит хотя бы сборник «На ранних поездах» Бориса Пастернака. Достойным продолжением литературы советской стала постсоветская. Взять хотя бы «Желтую стрелу» Виктора Пелевина, в которой герои воспринимают весь свой мир, как поезд, или поезд как мир – уж и не помню точно...

Через полчаса таких размышлений я слился с ранним поездом, примирился с железной дорогой, стал частью этой Желтой стрелы, идущей в Петушки, и осознал отчетливое желание прогуляться в вагон-бистро. Как-то в суматохе перед отъездом не получилось кофейку выпить, а проводница предложила только растворимый.

Поезд приходил в столицу на следующее утро, потому многие пассажиры традиционно позволяли себе расслабиться в пути именно в бистро: заказывали не только кофе, но и пиво, сухое вино, даже виски. Что делать – курить в поезде нельзя по новому закону, остается только алкоголь, а его в других вагонах употреблять тоже не рекомендуется. Однако, когда я вошел, столиков свободных было достаточно, ну я и выбрал тот, что с краю.

Не успел я сделать заказ, как бистро стало молниеносно заполняться. И когда все столики оказались кем-то заняты, к моему начали подходить попутчики. Те, кто пришел по одному, конечно же, выбирали пространство с минимумом едоков. Столики в бистро были на четверых. По странному стечению обстоятельств, все попутчики, как подсевшие за мой столик, так и за соседние, оказались мужчинами среднего возраста: с виду менеджеры среднего звена, уже не офисный планктон, но еще не акулы бизнеса.

А тут уж, как водится, и потекли неспешные беседы. Нигде больше человек не может так свободно говорить о себе и о жизни, причудливо сочетая правду и вымысел, как в поезде. В конце пути собеседники разойдутся, чтобы никогда больше не встретиться. Никто никому ничего не должен, отчего бы не выговориться. Даже православный на исповеди не может позволить такой свободы, ведь там надо говорить только правду и только о себе. Так что поездка в поезде – это такой коллективный российский психоанализ.

Сначала мы, конечно, познакомились, представились, попутно делая заказы. Меня, кстати, Дмитрием зовут. Если точнее, Дмитрием Тимофеевичем. По крайней мере, и коллеги, и студенты так обращаются.

Все начали чинно с кофе. Ну и, само собой, разговор завертелся вокруг сортов и способов варки.

– Жаль, здесь нет «копи лювак», – задумчиво произнес я, рассматривая меню.

– А что это? – заинтересовались попутчики.

– Это элитный сорт из зерен, пропущенных через желудок мусангов, таких зверьков пушных, которые в Индонезии живут и на Филиппинах. Самый дорогой, кстати, кофе в мире. У нас в России сто грамм обжаренного лювака стоит порядка двух штук в рублях.

– Ах, да, слышал про кофе из обезьяньего навоза, – отозвался Михаил, здоровый крупный парень из разряда доминантных самцов, одетый в джинсы и красную футболку с чудовищным принтом, – только не пробовал и названия не знал. И при этом он самый дорогой? Да, не все то золото, что блестит...

– Что уж говорить об элитных сортах, в этом бистро даже кофе без кофеина не предусмотрен. А это не есть хорошо, – заметил третий попутчик, представившийся Владимиром, крепкий мужчина лет сорока пяти с бритой лысеющей головой и в черной рубашке с расстегнутым воротом, открывавшим массивный золотой крест.

– Да ладно, зачем же употреблять суррогаты? Надо брать от жизни лучшее – коротко хохотнул Михаил

От темы кофе перешли к теме чая. А где чай там и тема чаевых – кому и сколько уместно давать, плавно перешли к гостиницам, где без чаевых редко обходится. Вскоре выяснилось, что

москвичей среди нас нет, все едут в столицу в командировку. При этом, все жутко бывалые, проводящие в дороге и в отелях по полжизни. И начали делиться различными впечатлениями и историями о гостиничных соседях.

2. Ёршик

**Ничего у нас с тобой не получится.
Как ты любишь голубой мукой мучиться.
Видишь, я стою босой перед вечностью,
Так зачем косить косой-человечностью.**

*Юрий Кукин
Гостиница*

– А у меня, мужики, вот такой был случай, – начал рассказ Михаил. – Я когда приезжал в Средневожск, всегда останавливался в одной и той же гостинице. Там меня уже все знали, и даже любили по-своему. Номер я всегда брал одноместный со всеми удобствами, разумеется. Без шика, но добротный. И на чаевые не скупился.

И вот, как-то раз приезжаю я в Средневожск в очередную командировку. Прихожу, естественно, в привычную гостиницу, прошу номер. А сотрудница на рецепшене и говорит: «К великому нашему сожалению, тут недалеко проходит крупная конференция, они и забронировали у нас все синглы. Могу предложить только дабл из двух одноместок с общими удобствами. А в одной уже поселился мужчина. С виду тихий такой, скромный. Вас устроит?»

Ну что мне оставалось делать? Не ехать же на поиски другой гостиницы из-за отсутствия персонального сортира. Согласился, скрепя сердце. Поднимаюсь в номер, а там в общей прихожей стоят ботинки сорок шестого размера. Ну, думаю, крупный сосед попался. Если что, такого из душа трудно будет выгнать. Я, конечно, тоже парень не слабый. Но размер у меня сорок третий.

Однако вечером я его так и не увидел. А утром, услышав, что сосед уже принял водные процедуры и вернулся к себе в комнату, я тоже решил совершить утренний туалет.

Ну, посидел на унитазе, встаю, начинаю смывать. А оно не смывается никак. Что в таких случаях делают? Правильно, взял я ёршик и совершил вторую попытку смыва. И надо же, как на грех, ёршик сломался. Ручка у меня в руках осталась, а ершистая часть соскользнула в унитаз.

Может быть, я бы все так и оставил. Но у меня же сосед! А если он снова зайдет, неловко как-то будет. Резиновых перчаток поблизости не наблюдалось, да и взять их было в общем негде.

И тут меня осенило! На рецепшене всегда продавались презервативы. Можно же использовать их вместо перчаток. Сам-то я не покупал раньше, но как другие покупали, видел. Стремглав сбегая вниз, спрашиваю:

– Презервативы есть?

– Конечно, – отвечают, – специально для Вас немецкие контексы, есть классика, и супертонкие. Вам какие?

– Классику, говорю, давайте. Она покрепче будет, понадежней. Купил два презерватива и умчался на свой этаж.

Надел презерватив на руку, и полез в унитаз – ершик чинить. И только вроде стало получаться, как один презерватив лопнул, даром, что классика, и я уронил его внутрь. Надел второй, доделал дело, почистил все, и он выскользнул туда же.

А мне уже и по делам пора двигать, и дверь соседской комнаты начала открываться. Бросил я все, как есть, и вышел в прихожую. А там маленький мужичонка, коренастый, с лицом изрытым оспой, страшный как смертный грех. Мне почему-то описание касимовского хана Шаха Али вспомнилось из летописей – когда на истфаке учился, читали: «зело был взору

страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши длинные, на плечах висящие, лицо женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени длинные, скотское седалище».

Ну, познакомились мы с ним и пошли вместе на завтрак, оживленно беседуя. С завтрака тоже вместе возвращались, повеселевшие и довольные, раскланиваясь со знакомыми из гостиничной obsługi.

И вдруг я вижу, навстречу мне идет уборщица, пожилая женщина. Она меня давно знала, мы с ней шутками добрыми обменивались. А тут она отводит взгляд, смотрит в пол и говорит тихо: «Михаил, я все убрала».

– Ну ладно, – говорю, – Рашида-апа, убрала так убрала, и славно.

А она не уходит, мнетя, и говорит заговорщическим голосом: «Я все-все убрала», – поднимает на меня глаза и краснеет.

И тут я тоже начал краснеть. Понял, как восприняли гостиничные мои действия: номер на двоих, общий душ, срочно потребовавшиеся презервативы, причем, оба лежат в унитазе измазанные фекалиями, и мы, довольные, шествуем вместе с соседом.

С тех пор я в эту гостиницу ни ногой. И всюду вожу с собой пару резиновых перчаток.

3. Где мальчик?

– Да был ли мальчик-то,
может, мальчика-то и не было?

Максим Горький
Жизнь Клима Самгина

– Можно к вам подсесть? – вдруг вежливо обратился к нам от соседнего столика еще один персонаж, лет сорока, в хлопковом песочном пиджаке в стиле casual, без галстука, с округлой, полноватой фигурой, вьющимися волосами и мягкими плавными движениями. – Услышал вашу историю про ёршик. Меня Лёвой зовут. Я вот обычно в командировке попадаю в купе с теми, кто в процессе дорожного романа. Иной раз думаю: ну ладно, женщины в дороге – дело опасное, еще неизвестно чем наградят, а с мужчинами хоть поговорить можно. Но прихожу в купе, а там мужчины уже с женщинами перемигиваются, не до меня им.

И вот один раз, милостивые государи, сел я в купе, смотрю – семья. Муж, жена и мальчик лет пяти-шести – прямо-таки семейная идиллия. Ладно, думаю, не буду мешать укреплению ячейки общества. Вещи оставил, да и ушел в вагон-ресторан.

Посидел, покушал, телевизор посмотрел, выпил немного. А винцо, скажу я вам, неожиданно оказалось превосходным – прямо-таки амброзия чистая с нектаром сладким, вот и позволил себе чуть больше обычной моей нормы. Возвращаюсь в свое купе поздно и немного под хмельком, а там уже спать легли и свет выключили. Ну что делать: залез я на свою верхнюю полку, и перед тем, как раздеться, осмотрелся. Внизу спят муж и жена, а мальчика нет напротив. Я в чужие дела обычно не суюсь, но и пройти мимо беды, путь даже и латентной, равнодушно не могу. Вот и воскликнул негромко:

– А где же мальчик?

Никто не ответил. Странно, что они не беспокоятся о сыне. Ну, может в туалет вышел, хотя маловат, конечно, но дети нынче сплошь индиго, самостоятельные. Все равно тревожно на душе, не сплю, жду, когда мальчик вернется. А его все нет и нет.

Но, похоже, своим восклицанием я их все же разбудил. Смотрю – мужчина с нижней койки, которая под моей была, слез и перебрался к женщине напротив. Ах, думаю, голубки! Вот этот прочность семейных уз! Даже в поезде улучили миг, пока сынишка вышел в туалет, и пообниматься решили, укрепить свою ячейку общества. Между тем поцелуями дело не завершилось. Парочка ритмично задвигалась, страстно задышала. Но вот поезд притормозил, стук колес стал тише. Парочка внизу тоже сбавила темп. Когда звуки поутихли, я воскликнул негромко:

– Мальчика нет!

Внизу притихли. Никакого ответа. И тут поезд вкатился на неведомую ночную станцию с ярко горящими фонарями. Сквозь щели в неплотно прикрытых жалюзи упал луч света, и я увидел голову мужчины – длинноволосого, а не аккуратно стриженного бобриком, как тот отец семейства.

Меня осенила страшная догадка: я попал по ошибке не в то купе.

Теперь надо было выйти потихоньку, но парочка вернулась к своим упражнениям. Я замер на полке, боясь пошевелиться. Может быть, они меня не заметили и не услышали, раз вели себя так, как будто одни во всем мире. У меня, как человека интеллигентного и воспитанного, не хватало наглости спуститься к ним, поставив их, да и себя, в неловкое положение. На всякий случай, я замаскировался, спрятавшись за подушку и одеяло, и стараясь слиться с ними.

Ну, хорошо, скоро все закончится – утешал я себя, – я и выскользну. Но парочка была неумолима. В них накопилось столько страсти.

– Может быть это и был Ваш друг Андрюха – сказал Лёва, повернувшись ко мне, – который отработывал свою карму.

– Наконец, наступил миг, когда, казалось бы, все закончилось. Из звуков снизу я различал только мерное дыхание. Кажется, уснули. Хотя, как можно было уснуть на одной купейной койке вдвоем, мне было решительно непонятно. Однако я потихоньку привстал и уже начал сползать со своего места, как все повторилось: поцелуи, ритмичные движения, хриплые вздохи.

Я так и замер на полпути, не решаясь ни лечь обратно, ни спуститься окончательно. При этом мое тело приняло позу дервища ордена «Мавляви», остановленного во время кружения. Помнится, у Гурджиева была для учеников такая команда «ист», когда требовалось замереть в любой, даже самой невозможной позе. Когда читал об этом, и подумать не мог, что такое придется пережить.

Так продолжалось еще раза три. Каждый раз, когда мне казалось, что все завершилось, и возлюбленные уснули, я делал одно движение. Но они начинали двигаться, и я принимал еще более неудобную позу – то крадущегося тигра, то затаившегося дракона. Наконец, застыл в асане, которую йоги определили бы как дикую помесь врикшасаны – позы дерева с гарудасаной – позой орла. Уже перед рассветом, измученный и утомленный, дождавшись, когда они, наконец, разошлись по своим местам, я смог освободиться из невольного плена.

С тех пор я уже не так самоуверен в поездах, как прежде. Всегда стараюсь запомнить номер своего купе, и, возвращаясь, тщательно проверяю на двери – тот ли. А еще, конечно, не позволяю себе лишнего в ресторанах, чем бы там не потчевали.

6. По душам

4. По душам

**Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...
Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного.**

*Александр Галич.
Ночной разговор в вагоне-ресторане*

Посмеялись, поудивлялись, но рассказы про виски да винцо вызвали жажду иного рода, которую кофе не утолить. Вот и решили мы выпить за знакомство. Подозвали официантку – судя по бейджу, ее звали Бахтигюль, попросили винную карту. Владимир пристально посмотрел на девушку, и спросил:

– Простите, у а Вас сестра на Киевском вокзале не работает?.

– Нет, – ответила Бахтигюль, – все мои сестры живут на родине, в Узбекистане.

Владимир же, тем временем, всматриваясь в густо испечатанные мелкими строчками страницы, обратил внимание на цены винной карты, и воскликнул невольно:

– Бахтигюль, это у вас что – меню или ведомость по зарплате? Потом поняв, что выглядит скупердяем, вышел из положения:

– Все так запутанно, без бутылки не разберешься. В общем, бутылку красного сухого, чилийского или аргентинского. Угощаю.

– А почему аргентинского, когда и французское было, и испанское? – поинтересовались мы. Владимир, делавший заказ, пояснил:

– Латиносы начали-таки разбираться в винах. Если брать по одной цене французское и аргентинское, аргентинское даст сто очков вперед. Оно и более густое, и насыщенное, и оттенки вкусовые интереснее. Чувствуется, что и солнце там у них жарче, и почвы другие, а руки рабочие дешевле в разы, в общем, все в плюс, особенно если вино из провинции Мендоза. Вот где знатные виноградники! Умеют люди и душу вложить, и бизнес делать, и цены приемлемые поддерживать.

Выпили за знакомство, продолжили разговор, перешли на «ты».

– А сам ты, Владимир, каким бизнесом занимаешься? Виноделием, что ли? Или вино-торговлей? – осведомился Михаил.

– Нет, – рассмеялся Владимир, – я металлом занимаюсь. Самый крупный трейдер в регионе.

– Вот это да! – восхитился Лёва.– А у тебя, наверное, прихваты неслабые, ну, Лисин там, Мордашов, Дерипаска, а может и Лакшми Митал?

– А вот и нет, – с каким-то мальчишеским задором парировал Владимир,– даже ни с кем из их менеджеров не знаком.

– Ну, расскажи, тогда, как начинал? – заинтересовался я.

– Хорошо, слушайте. Дело было так. Держал я на родном верхнегородском рынке трикотажный ларек. Дела шли ни шатко, ни валко. В шоколаде не купался, но на пиво хватало. И вот как-то раз расторгнулся я в выходные, вроде неплохо вышло, да и купил ящик пивка. Тогда еще «Балтику» пил, все больше шестерку, портер. Вот хлебнул изрядно, да и пошел отлить. Смотрю, за ларьками рыночными вагончик стоит строительный, захожу за него – а там мужики сидят смуглые и усаые. А я после пива уж очень разговорчивым становился.

– Здорово, чурки, – говорю. – Чего сидите без дела?

– Мы не чурки, мы турки, – с достоинством отвечает один, постарше, видимо, бригадир. Он по-русски говорил с акцентом, но в целом понятно. – Металл ждем. Труба, арматура, балка. Торговый центр здесь строить будем, металл пока нет.

– Ну-ну, ждите, – говорю, – удачи вам.

И пошел искать местечко побезлюднее.

На другой день, в понедельник, был санитарный день на рынке, и остался я дома. Решил пива допить. К пиву я еще накануне воблы прикупил, а продавец мне ее в газету завернул. Вот разворачиваю я эту желтую газетенку с воблой, и первое что вижу – кучу объявлений «Продам металл». И что-то у меня в мозгу шелкнуло: есть люди, которым нужен металл, и есть те, которые его продают. А почему бы мне не встать между ними? Вот с тех пор я и покупаю металл у тех, кто его продает, и продаю тем, кто покупает. Ларек продал, коттедж построил, офис в центре города снял. Склады еще арендую на окраине. В общем, дело растет.

– Фантастика! – говорю, – необъяснимый бизнес по-русски. Никакому здравомыслящему экономисту не объяснишь, почему те, кто покупают у тебя, не покупают у тех, кто продает тебе.

– А я по душам с клиентами разговариваю, – поясняет Владимир, – вот они ко мне и тянутся!

5. Сахар

**Почему и сахар,
белый-белый,
должен делать
черный негр?**

*Владимир Маяковский.
Блэк энд Уайт*

– Это еще не фантастика, – включился Михаил. – Вот у меня пацаны знакомые реально фантастику устроили. С сахаром. Правда, давно это было, лет уж десять назад.

– Как это?

– Приезжают как-то ко мне бывшие бандиты из «Автозаводских», ставшие начинающими бизнесменами, на девятке, естественно, и говорят:

– Слушай, Михон, ты – пацан толковый, дай совет. Мы берем 1437 тонн сахара по сто рублей за кило, нам надо продать его по двести. Как это замутить?

Ну, я, натурально, офигел: этому сахару оптовая цена по городу полтинник.

– А чего по сто берете, – спрашиваю, – а не по пятьдесят?

– На реализацию по полтосу не дают, только по стольнику.

– Понятно, – говорю. – А почему такой неровный объем? Проще, наверное, или тысячу тонн взять, или полторы.

– А мы все посчитали. Вот, Витек у нас самый умный – даже две книжки прочитал, он все записал. Ну-ка, Витек, покажь!

Витек, здоровенный детина с перебитым носом, из бывших боксеров, достал из необъятных штанов блокнот и, открыв на нужном месте, пояснил:

– Мне нужна бэха пятая, Саньку – квартира в сто метров, Вовану – катер нехилый и спиннинг, а Черному – дача, да еще и шуба для жены. Ну и там по мелочи, на бухло и траву. Мы прикинули, сколько все это стоит, и если с каждого кило стольник срубить, то нам нужно ровно 1437 тонн.

– Хорошо, – говорю, – пацаны, замetano. Поспрашиваю людей, подумаю, если что наклюнется, позвоню. Только без обиды, пацаны – сомневаюсь, что удастся его по двести толкнуть.

Сказал да и забыл про этот сахар. Совершенно нереально было продать его вчетверо дороже отпускной цены. Через четыре месяца встретил я Витька на BMW третьей серии, не новом, но вполне приличном, удивился. Раньше-то он на девятке ободранной катался.

Поговорили немного. Он и признает:

– Слышь, Михон, а ведь ты прав оказался, не удалось нам сахар этот по двести толкнуть.

– Конечно, говорю, нереально это. А откуда бэха у тебя?

– Ну как, все ж по 195 мы сдали этот сахар, вот и пришлось купить не то, что хотели: Санек квартиру меньше взял на пять метров, я вот бэху – трешку вместо пятерки прикупил, Вован взял катер без спиннинга, а Черному на шубу не хватило. Да все равно он с женой развёлся.

– Да, – говорю, – грустная история. А сам думаю: «Ну надо же, вот это коммерция!» И вспомнил, что Витек две книжки прочитал. Может, в этих книжках был хитрый экономический расчет, как продажи устраивать по запредельным ценам. Не мешало бы и мне об этом узнать.

– Слушай, – говорю, – Витек, а ты какие книжки прочитал?

– Первая – букварь, – говорит Витек на полном серьезе, – а вторая про войну, но названия не помню. Такие дела.

– Да, – протянул я, – удивителен бизнес по-русски. Тут смекалка нужна, нестандартный подход, иностранцам не понять.

6. Maryland – Марий Эл

**У меня есть мечта, что настанет день,
когда наша нация воспрянет и доживет
до истинного смысла своего девиза:
«Мы считаем самоочевидным,
что все люди созданы равными».**

Мартин Лютер Кинг

У меня есть мечта

Речь 28 августа 1963 г.

Тут разговор и завертелся вокруг иностранцев, их особенностей и чудачеств. Оказывается, у каждого в жизни был хоть какой-нибудь опыт знакомства со странностями иного менталитета. Конечно, вспомнили и Михаила Задорнова с юмором про «тупых американцев».

Тогда я решил, справедливости ради, уточнить, что не все американцы тупые, и под личиной самодовольства и чувства собственного превосходства иногда можно обнаружить весьма интересную личность с тонкой душевной организацией.

– Вот у меня – говорю я, – есть ученик один – живое воплощение трансформации американской мечты. Это американский студент, зовут его Джек Батлер. Кстати, уверяет, что он дальний родственник нашего химика Бутлерова. Якобы он тоже происходит от того самого англичанина Бутлера, который в XVI веке у Ивана Грозного служил главным пиротехником и изготавливал заряд для подрыва казанских стен. Только по другой линии потомок. Конечно, брешет, стервец.

Джек рассказывал, что с детства мечтал стать миллионером, ездить на большом роллс-ройсе с эскортом из голливудских актрис, и чтобы все вокруг завидовали. Ну, в общем, стандартная американская мечта.

А отец у парня работал в американских спецслужбах, специализировался на аэрофото-съемке советских, а после и российских, кораблей, причем, как военных, так и гражданских. И часто отец брал шабашку на дом – разбирал фото дома. Джек с младых ногтей играл с фотографиями, на которых явственно читались надписи на кириллице.

Вот он и заинтересовался – как читать эту тарабарщину? Начал приставать к родителям. Они оказались с пониманием: наняли женщину – репетитора из Украины. Раз в неделю Джек ходил в библиотеку в своем родном Аннаполисе, это столица штата Мэриленд, занимался русским.

– А чего это его отец – шпион жил в таком захолустье? – недоверчиво спросил Михаил.

– Не такое уж и захолустье – пояснил я. – Если что, округ Колумбия, где Вашингтон находится, расположен на границе между Мэрилендом и Вирджинией. Ну, так вот, учил юный Джек русский язык пять лет, начал на нем разговаривать. А тут как раз конкурс устроили среди изучающих русский школьников. Немного их набралось в Штатах, но все же более двух тысяч. Из них выбрали 10 лучших – и Джек в их числе был одним из первых.

Чествовали победителей в российском посольстве в Вашингтоне. Награды вручали лично Д.А. Медведев, тогда еще президент, с супругой Светланой в присутствии Обамы. И достался нашему Джеку сертификат на год изучения русского языка в Верхнем Старгороде.

Поселился он в квартире, где жил с родителями его ровесник – подросток, изучающий английский. Ходил на занятия в различные школы и вузы, там, где открытые лекции были для абитуриентов. И вот однажды слушал он лекцию и услышал незнакомое слово «жираф». Словаря под рукой не оказалось, он написал записку соседке: «Что такое жираф?»

Соседка не растерялась, нарисовала под вопросом картинку со стилизованной жирафой, а внизу приписала; «А меня зовут Света». Так познакомился Джек с возлюбленной своей. Она оказалась из Марий-Эл, готовилась к поступлению в вуз, по выходным приезжала на занятия в Старгород. «Есть какое-то созвучие, – говорил потом Джек, – Мэрилэнд – Марий-Эл. Видимо, это судьба!»

Подружились, влюбились друг в друга. И решил наш Джек предложение сделать отсроченное, ну вроде фьючерса или опциона. А возлюбленная ему и говорит: «Не буду с тобой жить, ибо ты – пиндос, проклятый агрессор, а твоя страна хочет весь мир захватить и всех людей поработить.»

Обалдел Джек от таких слов. Он, конечно, слышал раньше подобное, но считал это черным пиаром, который расчетливые враги сливают: ведь его страна несет всему миру добро и демократию. А это не только великая миссия, но и тяжелое бремя, которое приходится нести с большими издержками – многие ведь сами не могут дорасти до демократии высоких американских стандартов.

А тут простая девушка-подросток из российской глубинки такие страшные слова от сердца говорит. Обидно стало американцу до слез, и пообещал он ей доказать как свою любовь, так и миролюбие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.